

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2020 г. В. А. Черванева
г. Москва, Россия

МЕЖДУ БЫЛИЧКОЙ И СКАЗКОЙ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ ЖАНРА

Аннотация: В статье рассматривается уровень субъектной организации текстов народной прозы разных жанров на основе анализа вербальных маркеров присутствия рассказчика в тексте. На материале мифологической прозы описываются различные способы организации повествования, вскрывается их специфика по сравнению со сказочным нарративом. Характер представления позиции нарратора в мифологическом рассказе определяется комплексом параметров: характером включенности рассказчика в текст (как персонажа и как рассказчика), количеством рассказчиков, степенью их персонифицированности, функциями нарратора в тексте. На основе данных признаков строится типология текстов мифологической прозы. Устанавливается, что, в отличие от сказки, где повествователь всегда находится за пределами мира текста, рассказчик в мифологическом тексте всегда имеет соприсутствие и вербальную репрезентацию. Позиция нарратора получает вербальное выражение не только в меморатах (рассказах о личном опыте), но и в фабулатах с объективированной экзегетической формой изложения (от 3-го лица) — рассказчик проявляет себя как субъект сознания (оценок, интерпретаций) и как субъект дейксиса, что выражается в моделировании пространственно-временного плана текста относительно рассказчика как центра координат. Обосновываются причины особенностей субъектной организации мифологической прозы и ее отличия от сказки — свойственная мифологическим текстам установка на достоверность и их включенность в ситуацию коммуникации, в разговорный дискурс.

Ключевые слова: мифологический текст, нарратив, субъект повествования, коммуникативная ситуация.

Информация об авторе: Виктория Алексеевна Черванева — кандидат филологических наук, доцент, Институт общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, просп. Вернадского, д. 82, 119571 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3091-6469>. E-mail: viktoriya-chervaneva@yandex.ru

Дата поступления статьи: 09.01.2019

Дата публикации: 28.06.2020

Для цитирования: Черванева В. А. Между быличкой и сказкой: лингвистические маркеры жанра // Вестник славянских культур. 2020. Т. 56. С. 101–114. DOI: <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2020-56-101-114>

Вопрос о жанровой природе мифологических текстов — бытующих в устной среде рассказов о мифологических персонажах или явлениях (о столкновении человека с «нечистой силой», колдовстве, сглазе, порче и т. п.) — в фольклористике обычно связывается с разграничением текстов на мемораты (нарративы о личном опыте рассказчика) и фабулаты (услышанные от кого-либо и пересказанные истории о мистическом опыте других лиц). Это противопоставление, идущее от К. фон Зюдова [24], приобрело общепринятый характер в отечественных исследованиях мифологической прозы.

Начиная с 60-х гг. XX в. благодаря работам Э. В. Померанцевой за этими двумя типами текстов устной народной прозы закрепились термины «быличка» и «бывальщина»¹. Под «быличками» исследовательница понимала рассказы, имеющие черты свидетельского показания о «странном, необычном, таинственном случае», «суеверные мемораты» [16, с. 174], которые отличаются от сюжетно законченных и ставших традиционными фабулатов («бывальщин») «бесформенностью, единичностью, необобщенностью» [15, с. 279; 16, с. 175].

Таким образом, при разграничении указанных жанровых разновидностей мифологических рассказов, помимо критерия источника сообщения, оказывается релевантными степень разработанности сюжета, традиционности формы текста и самостоятельности его бытования в устной среде — признаки, обусловленные степенью обособления содержания текста от конкретного личного опыта конкретных людей.

В диахронических исследованиях народной словесности постулируется положение о процессе фабулизации меморатов мистического содержания как о естественном для традиции процессе превращения мифологического нарратива в нарратив сказочный (Ср.: «Меморат» → «фабулат» → «фикт» (сказка) — это историко-типологические стадии развития фольклорного вымысла» [17, с. 104]), что позволяет говорить о существовании таких переходных жанровых форм, как «сказка-бывальщина» (к ним относятся тексты, например, с сюжетами о женихе-мертвце (СУС 363, 365) [19]). При этом критериями жанровой природы текста (его «сказочности» или «быличковости») называются прежде всего содержательные элементы (характер персонажей, особенности сюжета — тяготение к счастливому финалу в сказках [17; 7, с. 53]) и уровень модальности текста (установка на достоверность или вымысел) [9; 20, с. 278; 16, с. 173].

Разграничение народной прозы — сказочной и несказочной (мифологической) — затрагивает, безусловно, и языковую субстанцию текстов. Наиболее существенным в этом отношении представляется уровень субъектной организации — характер отражения в текстах разной жанровой природы субъекта повествования (повествователя/рассказчика).

На материале литературы и письменно-книжного литературного языка этот вопрос получил довольно широкую и подробную разработку — проблема субъектной организации художественного текста (термин Б. О. Кормана²) стала предметом исследования как отечественных ученых — М. М. Бахтина [4], В. В. Виноградова [5], Б. А. Успенского [21], Е. В. Падучевой [13] и др.), так и представителей зарубежной нарратологии — В. Шмида [22], Ж. Женетта [6], Р. Барта [3] и др. В исследованиях

¹ Впрочем, термин «быличка» в применении к мифологическим рассказам о встрече человека с потусторонними существами введен в научный оборот братьями Б. М. и Ю. М. Соколовыми [18, с. VIII–IX] в начале XX в. и, по их свидетельству, был «подслушан» ими от крестьян.

² Под *субъектной организацией текста* понимается соотнесенность «всех фрагментов текста, образующих данное произведение, с субъектами речи — теми, кому приписан текст (формально-субъектная организация), и субъектами сознания — теми, чье сознание выражено в тексте (содержательно-субъектная организация)» [8, с. 247].

художественного нарратива разработаны теории субъекта повествования (рассказчика, повествователя, «образа автора», «точки зрения» и т. д., тогда как на фольклорном материале эта проблема специально не рассматривалась. Отдельные наблюдения над репрезентацией фигуры повествователя в традиционных, «классических» жанрах устного народного творчества (сказках, былинах, песнях) имеются в статьях Е. Б. Артеменко [1; 2], однако они представляют собой лишь подступы к проблеме, по свидетельству самого автора [1, с. 189], и не получили дальнейшего развития в последующих исследованиях.

Мифологические рассказы, представляющие собой принципиально иной тип народной словесности — интегрированный в диалог, в непосредственную устную коммуникацию, в этом отношении совершенно не изучены. Различный характер субъектной организации мифологических нарративов, безусловно, не остался незамеченным в фольклористике — его отражает указанное выше разделение текстов на мемораты и фабулаты. Эти термины используются в работах фольклористов для обозначения различным образом организованных текстов, однако в науке отсутствуют исследования лингвистических основ такой организации, предполагающие анализ собственно вербальных маркеров присутствия рассказчика в тексте.

Исследование такого плана было осуществлено автором и послужило основой для настоящей статьи. Основной эмпирической базой исследования является архив Лаборатории фольклористики РГГУ (АЛФ РГГУ) — материалом для изучения послужили записи мифологических рассказов, извлеченные из интервью (для анализа отобраны тексты с обязательным наличием повествовательного компонента, объем корпуса — 113 946 слов).

Несмотря на известную специфику фольклорного текста, обусловленную характером его бытования и трансмиссии — в ситуации устного, непосредственного контактного общения, к нему могут быть приложимы (в отдельных аспектах) положения нарратологии, разработанные на материале художественного текста — например, ставшее традиционным противопоставление диегетического нарратора (принадлежащего миру текста) и экзегетического (не эксплицированного в тексте и не имеющего в нем пространственно-временной позиции) [13, с. 203].

Именно такой — экзегетический — повествователь представлен в сказочных текстах: здесь всегда используется нарратив 3-го лица, в котором изображается сказочный мир, а «всезнающий» повествователь находится за пределами этого мира и не указывает на источник информации — он обладает ею имманентно как носитель традиции, фольклорного знания.

В текстах же мифологических рассказов наблюдается гораздо более сложная картина, демонстрирующая специфику этого материала по отношению не только к литературе, но и к фольклору в целом. Если тексты традиционного фольклора (песни, сказки, былины и т. п.) можно без тени сомнения назвать «устным народным творчеством», а значит, человека, транслирующего их, — исполнителем, а не автором, то вопрос о статусе рассказчика в мифологических текстах решается не столь бесспорно, поскольку часто текст представляет собой повествование о личном уникальном опыте. Эта содержательная особенность мифологических нарративов, а также ситуация их бытования — включенность в речевой поток, в повседневную коммуникацию — создает особый статус рассказчика: он часто не только нарратор, но и участник и свидетель описываемых событий, причем позиционируемых как реальные факты, как явления реальной, а не виртуальной действительности.

Необходимо отметить, что в устном рассказе отражены, собственно, два события: событие текста, о котором повествуется, т. е. предмет рассказа, и само событие рассказывания текста собеседнику, в том числе собирателю-фольклористу (на двоякособытийность нарратива указывал еще М. М. Бахтин: «<...> перед нами два события — событие, о котором рассказано в произведении, и событие самого рассказывания (в этом последнем мы и сами участвуем как слушатели-читатели) <...>» [4, с. 403]). И надо иметь в виду степень включенности рассказчика в оба эти события — и как персонажа (включенность в текст на уровне сюжета) и как нарратора (включенность в текст на уровне факта повествования), поскольку вся система субъектной организации мифологического текста находится в связи с этой особенностью.

Исследование вербальных маркеров присутствия говорящего в мифологических рассказах показало, что типология нарраторов в этом жанре строится на основе следующих параметров:

- характер включенности рассказчика в текст — и как персонажа и как нарратора;
- количество рассказчиков в тексте;
- степень персонифицированности рассказчика;
- функции нарратора в тексте.

По характеру включенности в текст нарраторы подразделяются на два типа — экзегетический и диегетический. В текстах с экзегетическим повествователем информация излагается объективированно, с внешних позиций, диегетический же нарратор включен в текст — обязательно на уровне факта сообщения и факультативно (хотя довольно часто) на уровне сюжета.

С точки зрения количества повествователей отмечаются нарративы с одним первичным рассказчиком, с двумя — первичным и вторичным, с тремя — первичным, вторичным и третичным; и т. д. В данном случае используется терминология В. Шмида [22, с. 45], которую он применял для наименования различных типов повествователей в художественном тексте (ср.: первичный нарратор — это повествователь обрамляющей истории, вторичный нарратор — повествователь вставной истории и т. д.). В устном мифологическом рассказе первичный нарратор — повествователь, рассказывающий о событии на основе собственных наблюдений или на сообщении других лиц (это тот, от чьего лица ведется рассказ). Вторичный нарратор — повествователь, чей рассказ о событии передается первичным нарратором. Таким образом, первичный повествователь всегда имеется в тексте, вторичный — только в фабулатах, т. е. там, где есть пересказ.

Вторичный повествователь может иметь различную степень персонифицированности: выделяется конкретный персонифицированный рассказчик (он является при этом действующим лицом текста) и обобщенный неперсонифицированный субъект повествования (социум, деревенское сообщество, часто репрезентируемое бессубъектными конструкциями с глаголами речи в роли предикатов — *говорили, говорят, рассказывали* и т. п.).

Функции рассказчика в мифологическом нарративе можно обобщенно представить, опираясь на предложенную Е. В. Падучевой [14] классификацию семантических ролей говорящего (субъект восприятия, сознания, речи, дейксиса), добавив еще один (первый) пункт:

- 1) субъект действия (является действующим лицом описываемого события);
- 2) субъект восприятия (является реципиентом мифологического явления или наблюдателем);
- 3) субъект речи (рассказывает о событии);

- 4) субъект сознания (интерпретирует происходящее);
- 5) субъект дейксиса (осуществляет референцию и пространственно-временную локализацию объектов относительно себя самого).

Это полная парадигма функций, которая реализуется в конкретных примерах не всегда в полном объеме.

В исследуемом материале обнаруживаются следующие варианты субъектной организации текстов.

Наиболее распространенный тип — тексты с *первичным диегетическим нарратором, который является при этом субъектом действия — реципиентом мифологического явления или актором*. Под **актором** понимается персонаж, активно воздействующий на мир и по своей инициативе вступающий в контакт с мифологическим персонажем (такой тип героя представлен, например, в текстах о предсказаниях — вызываниях домового («хозяина»), черта и т. п.), а **реципиент** — это персонаж пассивный, испытывающий воздействие со стороны мифологического персонажа или магического специалиста вне связи со своим желанием вступить в такое взаимодействие.

Такой рассказчик является непосредственным участником описываемых в тексте событий, на вербальном уровне он проявляет себя в тексте личными местоимениями 1-го лица и грамматическими показателями 1-го лица глаголов. Тексты с нарраторами такого типа — классические былички, или мемораты. Например:

Лесной хозяин... дак не **знаю**, хозяин тоже есть... ведь дома-то тоже хозяин есть ведь. Вот ко **мне** хозяин один раз пришел дак. У **меня** дед, это, после больницы лежал. **Я гоорю** как-от дед будет у **меня**, будет дед как: поправится или нет...

Я токо легла спать... а кто-то идет, идет, идет... Ко **мне** пришел такой, захватил всю вот так меня... лезет такой весь, ну, лезет вот так вот ко **мне**. **Я** как ущупала-то слизкое-слизкое такое все. **Я гоорю**: “Ой, Господи, блаослови, Господи, блаослови, Господи, блаослови”. И все, и все прошло. И он ушел, и после тово больше не было... **Я** потом сколько раз всем рассказывала, сыновьям, да всяки. “Вот, — гоорят, — к тебе приходил хозяин”. [Муж после] из больницы, пришел, а потом-то через три года умер. Это хозяин приходил, за ним, наэрно.

(АЛФ РГГУ, инф. КАП, Ухта, 1996)

Да... Бывало, **мне** вот самой приснилось раз. **Я** ещо... [нрзб.] **сплю, слышу, сплю, не сплю**, а двери открываются, да входит какое-то высокое [нрзб.] высокое, двери открылися и говорит: “Запасайтесь валенками, говорит, да берегись от пожару” [нрзб.] потом двери захлопнулись [нрзб.] а отец на кровати лежал, не слышал. Наяву все показалось. **Я** вовек этого **не забуду**. Да, правильно [предупредил]. Домовой заботится обо всем. Его вспоминаешь хорошо, и он заботится, а как ругать будешь... не надо ругать.

(АЛФ РГГУ, инф. РКИ, Ухта, 1996)

Второй тип текстов — с *первичным диегетическим нарратором, который является наблюдателем за поведением реципиента мифологического персонажа или явления*. В текстах такого рода описывается мистический опыт не самого рассказчика, а другого человека, однако в ситуации текста нарратор присутствует. В качестве вербальных маркеров такого рассказчика используются как прямые средства — грамматические и лексические показатели 1-го лица, так и косвенные — соотносительные с рассказчиком номинации других персонажей, например, термины родства и др. под., которые ставят рассказчика в центр системы координат текста (так, если в тексте упоминаются «дед», «отец», «сосед» и т. д., то референтами этих имен являются родственники и соседи именно рассказчика, а не кого-то другого). Ср.:

Скот выпускают, овец, дак они убежат да бегают, бегают, дак все видят, а чьи овцы — те не видят. Вот, у нас тоже раз убежали. Мама ходила вот туда, за пятнадцать километров к колдуну женщина колдовала. Вот, сказала, что на заре выйди на кресную улицу [на перекресток] а вот там порычи их, што идите домой: “Магушки, цыпоники, идите, хозяйнушко-батюшко, разрешите там все...” И крестики ставили [на дорогу], не крестики, а может каки палочки ставили. Также со словами.

(АЛФ РГГУ, инф. ФИВ, Бор-Давыдово, 1996)

Сестра у меня жила от Каргополя восемнадцать километров, а потом дом стали перевозить сюда. Там жили, там скотину держали — все нормально. Как сюда переехали — она сколько коров сменила... Цыганка сказала, што у тебя чево-то во хлеве.

(АЛФ РГГУ, инф. БЗН, Никола-Меньшаковская, 1997).

Для следующего типа организации текста характерно наличие нескольких нарраторов — *первичного диегетического с вторичным*, который является источником информации о событии для первичного рассказчика и чей рассказ о событии тот передает в своем повествовании. Вторичный нарратор может выступать как реципиент мифологического явления и описывать собственный опыт, а может быть наблюдателем или пересказчиком истории с чьих-то слов.

Вербальными маркерами присутствия вторичного нарратора в тексте выступают прежде всего предцизируемые ему глаголы речи, которые являются и показателями его функции источника сообщения в тексте:

Бывает, что наяву [видят домового]. У нас мама покойница рассказывала, что когда девкой была, вышла ночью [?] в туалет, видит, во дворе ходит [нрзб.] такой, говорит, в подштаниках домотканых, в одних подштаниках, из холста рубаха... Она и говорит: «Я сначала не испугалась, думаю, что батюшка, [ведь] лошадь была, скотины полный двор, дак он по двору ходит с [нрзб.] обхаживает скотинку». Пришла, да поглядела, а батюшка на кровати лежит, так у нее волосы дыбом стали... Как вот отец ейный одет, так и хозяйин.

(АЛФ РГГУ, инф. РКИ, Ухта, 1996)

А вот папа был у нас на мельнице, там избушка была мельнична. И он тоже тут печку топил. И к нему пришел хозяйин: «Уходи, — говорит, — пока жив». Он говорит: «У меня руки-ноги — все затряслось», — встал, ушел, до утра не ходил. Он с цепями пришел... [А почему он велел уйти?] А Господь знает чево. Чево-то помешало.

(АЛФ РГГУ, инф. ТИС, Ухта, 1996)

Глаголы речи — прямые вербальные средства репрезентации рассказчика, косвенными же маркерами вторичного нарратора являются глаголы слухового восприятия, относящиеся к первичному нарратору. Эти средства могут употребляться в сочетании:

Были испорченные эти, икотники назывались. И вот она сидит, а у ней там, там в желудке внутри, у ней там уже какой-то, какой-то ее ... какой-то ее тут ... вот она говорит, а у ней там повторяет. Это раньше было. Вот это называли икотники. Это испорчено. Я вот от свекровы это слышала. Вот ходила одна, ну, побираласи женщина, ну, кусочки собирала, ну вот. Вот она, grit, сидит, што она повторяет там, разговор какой, у ней там вот как-то глухо, глухо, у ней как-то будто отзываетца, вот это все.

(АЛФ РГГУ, инф. РЕН, Ухта, 1996)

Дак вот я слыхала, тут старуха рассказывала. Она говорит, закрыла корову, ну, говорит, до чево доискали, всей деревней ходили, искали-искали — не могли найти. Потом сходили там, какой был колдун чце ли. И этот колдун им открыл...

(АЛФ РГГУ, инф. ТПВ, Калитинка, 1993)

Более объективированной формой повествования является организация нарратива с репрезентацией вторичного нарратора глаголами речи в неопределенно-личных конструкциях — эта форма выражения актуальна для персонифицированного субъекта речи:

[А рассказывали, что видели домового?] **рассказывали**, што во дворах женщины, которые коров доят, видят каково-то мушину низково роста, бородатово.

(АЛФ РГГУ, инф. ХМС, Бор-Заполье, 1996)

Вот **рассказывали** недавно, старушка, что женщина умерла, муж-то плакал, плакал и как-то попрощался с ней и у него партбилет из кармашка выпал и в гроб, он не видел. Ну и заколотили, захоронили женщину. Он пошел потом на партсобрание, а билета-то нет, схватился, билета-то нет. <...> Гроб вскрыли [?] партбилет там, ну ему захотелось все-таки узнать, что ноги-то. Он открыл, а там две змеи, сосут ноги-то у нее. Вот две эти, ну пиявки. **Говорят**, что как будто она два аборта делала дак вот это ей.

(АЛФ РГГУ, инф. ШВИ, Кречетово-Шильда-Кольцово, 1996)

В таких контекстах в роли вторичного нарратора — источника сообщения — выступает обобщенный субъект (социум), а первичный нарратор зачастую имеет нулевую форму выражения в тексте. Однако отнести такие примеры к экзегетическому типу повествования будет, видимо, неверно, поскольку наличие глаголов речи, эксплицирующих вторичного нарратора (источник информации), предполагают наличие и первичного рассказчика, принимающего и ретранслирующего это сообщение.

Итак, важной особенностью мифологического нарратива является обязательное присутствие в тексте субъекта повествования на вербальном уровне. Его маркеры — прямые и косвенные — представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Вербальные маркеры нарратора в мифологических рассказах
Table 1 – Verbal markers of a narrator in mythological stories

Вербальные маркеры нарратора	прямые	косвенные
первичного	грамматические и лексические показатели 1-го лица	соотносительные с рассказчиком номинации других персонажей (термины родства, свойства и т. п.)
вторичного	глаголы речи, предикцируемые вторичному нарратору	глаголы слухового восприятия, предикцируемые первичному нарратору

В то же время есть отдельные примеры текстов мифологической прозы, в которых говорящий не включен в текст на уровне сюжета или его рамки (как участник, наблюдатель или пересказчик с чужих слов) — субъект повествования в таких текстах не имеет прямой вербальной репрезентации, отсутствует и указание на источник информации. Например:

Была вот там это за рекой женщина... Вот ена умерла, ей намыли, нарядили и в гроб повалили. Двое сутки прошло, на третьи вот сегодня ей стали хоронить бы, она встала ночью-то да и ушла из гроба-то. От это правда. В самом доме-то... вот она ушла, спит сын да был ей-то деверь... она ушла, маленькая избушка-то небольшая, она ушла туды, на кухню — туды... Робята-то зашевелились, зарозговаривали... А жена-то ево говорит: “Вася, бабушки-то и в гробу нету”, — он крик: “Как так нету”, — поднял голову то: “Я живая...”. И после той поры она жила еще три года.

(АЛФ РГГУ, инф. СГЕ, Бор-Исаково, 1996)

Однако в данных текстах наблюдается следующая особенность. Хотя по всем формальным признакам перед нами третьеличный нарратив, тем не менее дейксис текста свидетельствует о канонической речевой ситуации экспликации текста (когда говорящий и адресат находятся в одно время в одном месте в зоне взаимной видимости [23; 13, с. 259]), о том, что мир, изображаемый в тексте, — это мир, в котором рассказчик присутствует. Это очевидно благодаря вербальным единицам, указывающим на пространственно-временную локализацию говорящего (*там за рекой* — относительно рассказчика) и оценочно-интерпретативным элементам, свидетельствующим о позиции рассказчика (*От это правда*). Приведем другой пример.

А вот приезжал в прошлом году сын Лидки-то, а жена пошла в туалет. Надо свет-то включать, онахватила, а сидит как собака все в шерсти. И она заорала. Стали, а нигде никого нет. Дочь-то только из-за этого из дома ушла. Может, не задобрили. Видно, хозяина пошевелили.

(АЛФ РГГУ, инф. РЕН, Ухта-Ильинская, 1996)

В данном случае о соприсутствии рассказчика свидетельствуют временные маркеры (*в прошлом году* — по отношению к моменту речи, т. е. экспликации текста), а также особенности референции имен (*сын Лидки-то* — это пример номинации с определенной референцией: очевидно, что эта *Лидка* знакома и говорящему, и слушающему), таким образом, осуществляется косвенная вербализация говорящего как позиции в тексте. Кроме того, в обрамлении нарратива присутствуют интерпретативные элементы (*Может, не задобрили. Видно, хозяина пошевелили*), принадлежащие рассказчику и отражающие его личную трактовку события, которая, впрочем, вполне соответствует интерпретационным схемам, предписанным традицией.

В отдельных случаях только интерпретации, принадлежащие рассказчику, выдают его присутствие в тексте (как в данных ниже примерах, где подобные фрагменты выделены курсивом, а ссылка на некое общее знание традиции (*притча*) предстает как способ ввода текста с экзегетическим нарратором):

Притчця ли была, чцево ли, што этот медведь — от у вдовы корову-ту. Вот ей и приснилось, што эту корову пастух отдал медведю [медведь должен ее задрать], а у коровы-то была звездочка во лбу. Корова ччерна — бела звездочка. Она взяла за звездочку-то замазала дегтем, шобы не было звездочки. А потом ей опять кто-то сказал: “Отдает корову, у которой звездочка замазана”. *Раз уж она была обречена, эта корова [ее не спасти].*

(АЛФ РГГУ, инф. СОА, Бор-Самсоново, 1996).

У старушки умер муж, *она тосковала, наверно*. Он так ходил. Да вот он ходил, разговариват, разговариват, а потом нашли кого-то, кто знает, дак выгонели. А он пошел: “А, догадалася!” И двери все распахнул: “А, догадалася!”

(АЛФ РГГУ, инф. РСА, Архангело, 1995)

Очевидно, что в устном мифологическом рассказе объективированная экзегетическая форма повествования имеет специфику по сравнению с литературным текстом и со сказкой, состоящую в том, что в мифологическом нарративе рассказчик всегда имеет соприсутствие и вербальную репрезентацию, но не на уровне номинации как действующего лица или субъекта речи, а как субъект дейксиса и субъект сознания. Таким образом, можно сказать, что в мифологическом фабулате повествование не экзегетическое, а псевдоэкзегетическое.

Причины данного явления, видимо, следует искать в особенностях коммуникативной ситуации бытования мифологического текста — причем как в естественных условиях существования традиции, так и в искусственных условиях интервью (беседы собирателя-фольклориста с информантом).

Имеется в виду следующее.

Так, Е. В. Падучева, описывая каноническую речевую ситуацию, указывает несколько присущих ей условий: наличие конкретно-референтного адресата, находящегося с говорящим в одно время в одном месте в зоне взаимной видимости [12, с. 43; 13, с. 259]. Кроме того, она выделяет еще одно условие, которое называет «нулевым», — это совпадение мира текста (изображаемого) и мира ситуации его репрезентации, которое тривиальным образом соблюдается в обычном разговорном дискурсе, и далеко не всегда — в нарративе («лингвистика нарратива — это лингвистика неполноценных коммуникативных ситуаций» [12, с. 41]).

Если говорить о фольклорном тексте, то он всегда воспроизводится в устной форме, когда говорящий и адресат находятся в одном времени и пространстве. Однако в сказках, былинах и других жанрах так называемого «классического» фольклора не наблюдается «нулевого» условия канонической речевой ситуации — тождества мира текста и мира коммуникативной ситуации, в которой этот текст произносится. В сказочном тексте конструируется особый художественный мир, и говорящий и адресат сознают условность и вымышленность этого мира и его несовпадение с миром реальным. При этом всезнающий повествователь стоит за пределами сказочного мира и не проявляет себя на вербальном уровне (не считая стилистических обрамлений в виде присказок, всегда находящихся за пределами собственно сказочного нарратива).

В ситуации бытования мифологической прозы каноническая коммуникативная ситуация наблюдается в чистом виде — благодаря устной форме экспликации и установке на достоверность текста. Здесь нет «другой», художественной реальности, мир мифологического текста изображается в реальной модальной рамке — это мир самих коммуникантов. И именно реальная модальность мифологического рассказа обуславливает включение говорящего в текст, функционирование текста в рамках актуального разговорно-речевого дискурса.

Характерно, что при изменении хронотопа мифологического рассказа в сторону ухода от конкретной коммуникативной ситуации меняется и субъектная организация текста. Так, в упоминавшихся выше фабулизованных текстах о женихе-мертвце (СУС 363, 365) [19] появляется экзегетический повествователь и третьеличная нарративная форма, что напрямую связано с изменением «нулевого» условия канонической речевой ситуации. Ср. тексты, относящиеся к разным традициям — Восточной Сибири и Полесью:

Одна девушка любила одного парня. Хорошо любила. Он умер, она об нем страдала. Вот она все думала и думала об ем, все сидел на лавочке, все думала, мечтала, ждала. Месяц ярко светит на небе, подъезжают к ней на карете и говорят:

— Садись, моя, поедем.

Села она в кошевку. Месяц светит, мертвец едет:

— Ты невеста моя, не боишься меня?

— Нет, — отвечает невеста.

Заезжают по проулку на кладбище к могиле. Вдруг — ничего не стало, вздрогнула и тут же умерла.

Значит, везде искать стали. Приходят на кладбище, а она у могилки мертвая лежит. На святки это было, месяц светил, и показалось ей, что это ее сухарник [10, с. 273].

Павозка едет, така золота, ехал парень, ведьмак. “Садись, красна девица, я тебя падвезу!” Да конца села доехали, дак он спрашивает: “Не страшно тебе з мэртваком ехать?”. Девушка не знала, з ким еде, испугалась и побежала додому, а дома ўмерла [11, с. 319].

В этих текстах действуют условные персонажи в условном времени-пространстве, отсутствуют конкретные детали, зато появляются детали сказочные (*золотая павозка*), ритмизованные и рифмованные формулы (*Месяц светит, мертвец едет; Ты невеста моя, не боишься меня?*), и, как следствие, не вербализована позиция рассказчика.

Однако если текст рассказывается как быличка, то нарратор все-таки присутствует на вербальном уровне — как субъект сознания. Ср.:

Ходыл хлопэц до дивчыны. И вин вмэр. А вона нудыла-нудыла. И вин прыйшв з могылок. **То вжэ прыплакала соби якогось:** “И чога ты плачэш?” — “Ой, Васылько прыйшов!” — “Ты нэ бойишься?” — “Не. З тобою куды хоч прыйду”. Прыйшлы на могылкы. [Парень говорит:] “Лизь ты”. — “Не, ты лизь пэршый”. [Он полез]. Вона здойнела свое: пояс, платтячко, вин потэг. [Она убежала.] То вин биг за ню, биг. Вогню нэма, то тилькы в дека [дьяка] свитыгься вегонь. Дек вмэр. Та дивчына вбигла и на пич. [Мертвец-парень прибежал и говорит:] “Дячэ-нэворачэ, подай мэни дивчыну”. Дяк, шурпу-шурпу, встае дивчыну подаваты. А пивэнь заспивав “кукуруку!” И дек впав. А дивчына вмэрла з ляку [11, с. 319].

Хлопец гуляў з деўкай: «Пайдем пагуляем». Веў, веў, далеко. [Спрашивает ее]: “Не боисся мене?” — “А чога?” — “Пайдем шчэ. Не баисся?”. Веў и опять: “Не баисся мене? Пайдем!”. Поняла яна, шо не хлопец. Приводит ў землянку. Там нора. “Лезь!” — кажэ. “Темно, не палезу!”. Начала молитву читать <...> **То чорт буў, а не хлопец** [11, с. 319].

Выделенные фрагменты представляют собой интерпретации — голос рассказчика в тексте, с помощью которых он пытается соотнести рассказываемое им с реальностью, объяснить слушателю-адресату, что происходит. Таким образом, промежуточное положение текстов подобного типа в системе устной народной прозы — на стыке жанров — обуславливается во многом характером их субъектной организации.

Принципиальное отличие мифологической прозы от сказки и других «классических» жанров фольклора на языковом уровне кроется в особенностях модальности текстов этого типа словесности. Присущая им установка на достоверность в сочетании с устной формой воспроизведения обуславливает обязательный канонический контекст, в котором находит отражение ситуация произнесения текста. Мифологический нарратив включен в разговорный дискурс, является его частью, и особенности субъектной организации мифологического текста являются прямым следствием данного обстоятельства.

Одна из таких важных особенностей состоит в том, что рассказчик в мифологическом нарративе всегда включен в текст и вербально репрезентирован. В меморате позиция нарратора имеет широкое выражение на разных уровнях — номинации как действующего лица, субъекта речи, субъекта восприятия, субъекта сознания и дейксиса. В мифологических фабулатах с объективированной экзегетической формой изложения (от 3-го лица) рассказчик также проявляет себя на вербальном уровне — как субъект сознания (оценок, интерпретаций), а также как субъект дейксиса, что выражается в моделировании пространственно-временного плана текста относительно рассказчика как центра координат. Эта особенность устного мифологического рассказа составляет его специфику по отношению как к письменно-литературным текстам, так и к фольклорным сказочным, четко выделенным из потока речи и структурно оформленным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Артеменко Е. Б.* К проблеме повествователя и его языковой репрезентации в фольклоре. На материале былинного эпоса // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания. 1998. Вып. 11. С. 186–195.
- 2 *Артеменко Е. Б.* «Образ автора» как структурообразующий фактор фольклорного текста // Исследования по лингвофольклористике. Курск: Изд-во КГПИ, 1994. Вып. 3. С. 3–5.
- 3 *Барт Р.* Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. М.: Прогресс, 2000. С. 196–238.
- 4 *Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. 502 с.
- 5 *Виноградов В. В.* О теории художественной речи. М.: Высшая школа, 1971. 240 с.
- 6 *Женнет Ж.* Фигуры: в 2 т. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. 470, 42 с.
- 7 *Зиновьев В. П.* Жанровые особенности быличек. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1974. 90 с.
- 8 *Корман Б. О.* Теория литературы. Ижевск: Изд-во ИКИ РАН, 2006. 551 с.
- 9 *Мелетинский Е. М.* Сказки и мифы // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. М.: Российская энциклопедия, 1994. Т. 2. С. 441–444.
- 10 Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / сост. В. П. Зиновьев. Новосибирск: Наука, 1987. 400 с.
- 11 Народная демонология Полесья: Публикации текстов в записях 80–90-х годов XX века / сост. Л. Н. Виноградова, Е. Е. Левкиевская. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. Т. II. 800 с.
- 12 *Падучева Е. В. В. В.* Виноградов и наука о языке художественной прозы // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1995. Т. 54. № 3. С. 39–48.
- 13 *Падучева Е. В.* Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
- 14 *Падучева Е. В.* Эгоцентрические валентности и деконструкция говорящего // Вопросы языкознания. 2011. № 3. С. 3–18.
- 15 *Померанцева Э. В.* Жанровые особенности русских быличек // История, культура, фольклор и этнография славянских народов: VI Междунар. съезд славистов (Прага, 1968). Доклады советской делегации. М.: Наука, 1968. С. 274–292.
- 16 *Померанцева Э. В.* Русская устная проза. М.: Просвещение, 1985. 272 с.
- 17 *Разумова И. А.* Сказка и быличка (Мифологический персонаж в системе жанра). Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 1993. 109 с.
- 18 *Соколовы Б. и Ю.* Сказки и песни Белозерского края. М.: Изд-во Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук, 1915. 665 с.
- 19 [СУС] Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Л.: Наука, 1979. 442 с.
- 20 *Толстой Н. И.* Былички // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1 (А-Г). С. 278–280.
- 21 *Успенский Б. А.* Поэтика композиции. Структура художественного текста и типология композиционной формы. М.: Искусство, 1970. 256 с.
- 22 *Шмид В.* Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
- 23 *Lyons J.* Semantics. Cambridge: Cambridge University Press, 1977. Vol. 2. 897 p.
- 24 *Sydow C. W.* Kategorien der Prosa-Volksdichtung // Carl Wilhelm von Sydow. Selected Papers on Folklore. Copenhagen: Rosenkilde and Bagger, 1948. P. 60–88.

© 2020. Victoria A. Chervaneva
Moscow, Russia

**BETWEEN MYTHOLOGICAL STORIES AND FOLKTALES:
LINGUISTIC MARKERS OF THE GENRE**

Abstract: The paper presents the results of a semantic study of language of the Russian mythological prose compared to a folktale. It examines the level of narrative subjects in the texts of different folk genres basing on the analysis of verbal markers of the narrator in the text. It also highlights different ways of organizing narrative in mythological prose and their specificity as opposed to a folktale narrative. Features of interpretation of the narrator's position in a mythological story is determined by a set of parameters: narrator's inclusion in the text (as a character and as a narrator), number of storytellers, their degree of personification, and functions of narrator in the text. Based on these characteristics, a typology of mythological prose texts is built. The study results in determining that, unlike in a fairy tale, where narrator is always outside the text, in mythological texts narrator always has a verbal representation. The author identifies the reasons for such features of the subjective organization of mythological stories and its differences from fairy tales — the modality of reliability and the inclusion of the text in the communication situation, in conversational discourse.

Keywords: mythological text, narrative, narrator, communicative situation.

Information about author: Victoria A. Chervaneva — PhD in Philology, Associate Professor, Institute for Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vernadsky ave 82, 119571 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3091-6469>. E-mail: viktoriya-chervaneva@yandex.ru

Received: January 09, 2019

Date of publication: June 28, 2020

For citation: Chervaneva V. A. Between mythological stories and folktales: linguistic markers of genre. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2020, vol. 56, pp. 101–114. (In Russian) DOI: <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2020-56-101-114>

REFERENCES

- 1 Artemenko E. B. К проблеме повествователя и его языковой репрезентации в фольклоре. На материале былинного эпоса [On the issue of narrator and his linguistic representation in folklore. Based on the material of the folk epic. *Filologicheskie zapiski: Vestnik literaturovedeniia i iazykoznaniiia*, 1998, vol. 11, pp. 186–195. (In Russian)
- 2 Artemenko E. B. “Образ автора” как структурообразующий фактор фольклорного текста [“Author's image” as a structure-forming factor of the folklore text]. *Issledovaniia po lingvofol'kloristike* [Research on linguofolkloristics]. Kursk, Izdatel'stvo KGPI, 1994, vol. 3, pp. 3–5. (In Russian)
- 3 Bart R. Введение в структурный анализ повествовательных текстов [Introduction to structural analysis of narrative texts]. In: *Frantsuzskaia semiotika: Ot strukturalizma k poststrukturalizmu* [French semiotics: From structuralism to poststructuralism]. Moscow, Progress Publ., 2000, pp. 196–238. (In Russian)

- 4 Bakhtin M. M. *Voprosy literatury i estetiki* [Issues of literature and aesthetics]. Moscow, Khudozhestvennaia literature Publ., 1975. 502 p. (In Russian)
- 5 Vinogradov V. V. *O teorii khudozhestvennoi rechi* [On the theory of artistic speech]. Moscow, Vysshaia shkola Publ., 1971. 240 p. (In Russian)
- 6 Zhennet Zh. *Figury: v 2 t.* [Figures: in 2 vols.] Moscow, Izdatel'stvo im. Sabashnikovykh Publ., 1998. 470, 42 p. (In Russian)
- 7 Zinov'ev V. P. *Zhanrovye osobennosti bylichek* [Genre features the true stories]. Irkutsk, Izdatel'stvo IGU Publ., 1974. 90 p. (In Russian)
- 8 Korman B. O. *Teoriia literatury* [Theory of literature]. Izhevsk, Izdatel'stvo IKI RAN Publ., 2006. 551 p. (In Russian)
- 9 Meletinskii E. M. Skazki i mify [Tales and myths]. In: *Mify narodov mira. Entsiklopediia: v 2 t.* [Myths of the peoples of the world. Encyclopedia: in 2 vols.]. Moscow, Rossiiskaia entsiklopediia Publ., 1994, vol. 2, pp. 441–444. (In Russian)
- 10 *Mifologicheskie rasskazy russkogo naseleniia Vostochnoi Sibiri* [Mythological stories of the Russian population of Eastern Siberia], collected by V. P. Zinov'ev. Novosibirsk, Nauka Publ., 1987. 400 p. (In Russian)
- 11 *Narodnaia demonologiiia Poles'ia: Publikatsii tekstov v zapisiakh 80–90-kh godov XX veka* [Folk demonology of Polesye: Publications of texts in records of the 80–90s of the 20th century], collected by L. N. Vinogradova, E. E. Levkivskaia. Moscow, Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi Publ., 2012. Vol. II. 800 p. (In Russian)
- 12 Paducheva E. V. V. V. Vinogradov i nauka o iazyke khudozhestvennoi prozy [V. V. Vinogradov and the science of the language of fiction]. *Izvestiia RAN, seriia literatury i iazyka* [Series of literature and language], 1995, vol. 54, no 3, pp. 39–48. (In Russian)
- 13 Paducheva E. V. *Semanticheskie issledovaniia. Semantika vremeni i vida v russkom iazyke. Semantika narrative* [Semantic research. The semantics of time and form in the Russian language. The semantics of narrative]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1996. 464 p. (In Russian)
- 14 Paducheva E. V. Egotsentricheskie valentnosti i dekonstruktsiia govoriashchego [Egocentric valences and speaker deconstruction]. *Voprosy iazykoznaniiia*, 2011, no 3, pp. 3–18. (In Russian)
- 15 Pomerantseva E. V. Zhanrovye osobennosti russkikh bylichek [Genre features of Russian bylichka]. In: *Istoriia, kul'tura, fol'klor i etnografiia slavianskikh narodov: VI Mezhdunarodnyi s"ezd slavistov (Praga, 1968). Doklady sovetskoi delegatsii* [History, culture, folklore and Ethnography of Slavic peoples: VI international Congress of Slavists (Prague, 1968). Reports of the Soviet delegation]. Moscow, Nauka Publ., 1968, pp. 274–292. (In Russian)
- 16 Pomerantseva E. V. *Rusaskaia ustnaia proza* [Russian oral prose]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1985. 272 p. (In Russian)
- 17 Razumova I. A. *Skazka i bylichka (Mifologicheskii personazh v sisteme zhanra)* [Fairy tale and bylichka (Mythological character in the genre system)]. Petrozavodsk, Karel'skii NTs RAN Publ., 1993. 109 p. (In Russian)
- 18 Sokolovy B. i Iu. *Skazki i pesni Belozerskogo kraia* [Tales and songs of the Belozersky region]. Moscow, Izdatel'stvo Otdeleniia russkogo iazyka i slovesnosti Imperatorskoi akademii nauk Publ., 1915. 665 p. (In Russian)
- 19 *[SUS] Sravnitel'nyi ukazatel' siuzhetov. Vostochnoslavianskaia skazka* [[SUS] Comparative index of plots. East Slavic fairy tale]. Leningrad, Nauka Publ., 1979. 442 p. (In Russian)

- 20 Tolstoi N. I. Bylichki [Little stories]. In: *Slavianskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar'* [Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 1995, vol. 1 (A-G), pp. 278–280. (In Russian)
- 21 Uspenskii B. A. *Poetika kompozitsii. Struktura khudozhestvennogo teksta i tipologiia kompozitsionnoi formy* [Poetics of composition. The structure of the artistic text and the typology of the compositional form]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1970. 256 p. (In Russian)
- 22 Shmid V. *Narratologiia* [Narratology]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2003. 312 p. (In Russian)
- 23 Lyons J. *Semantics*. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 1977. Vol. 2. 897 p. (In English)
- 24 Sydow C. W. *Kategorien der Prosa-Volksdichtung. Carl Wilhelm von Sydow. Selected Papers on Folklore*. Copenhagen, Rosenkilde and Bagger Publ., 1948, pp. 60–88. (In English)